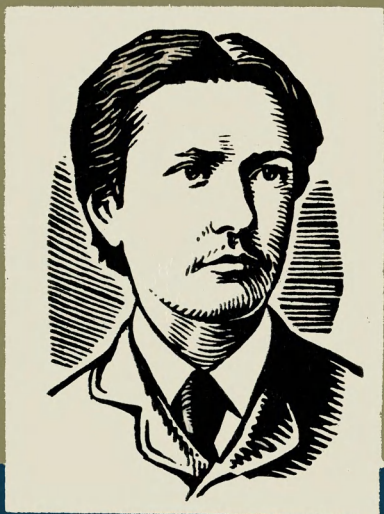

УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

И. Д. ЯКУБОВИЧ

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

ЛЕНИЗДАТ · 1967

МЕЧ И ЛИРА

Нет! Недаром горим
Мы, светя в темноту:
На почетном стоим
Мы, товарищ, посту.
Перед сильным врагом
Не склоняясь в пыли,
Точно клад, стережем
Честь родимой земли!

(П. Ф. Якубович, 1892)

...Затравленный непрерывной слезкой царских агентов, Якубович последние ночи перед арестом скитался по улицам Петербурга. Ночевать у друзей или родных он не мог. Боялся их скомпрометировать. Даже днем, встретив на Инженерной улице, у цирка, своего товарища по революционной работе И. И. Попова, он, не останавливаясь, предупредил его знаками, что за ним следят.

15 ноября 1884 года, утром, на Бассейной улице (ныне улица Некрасова) его схватили и заключили в один из казематов Петропавловской крепости.

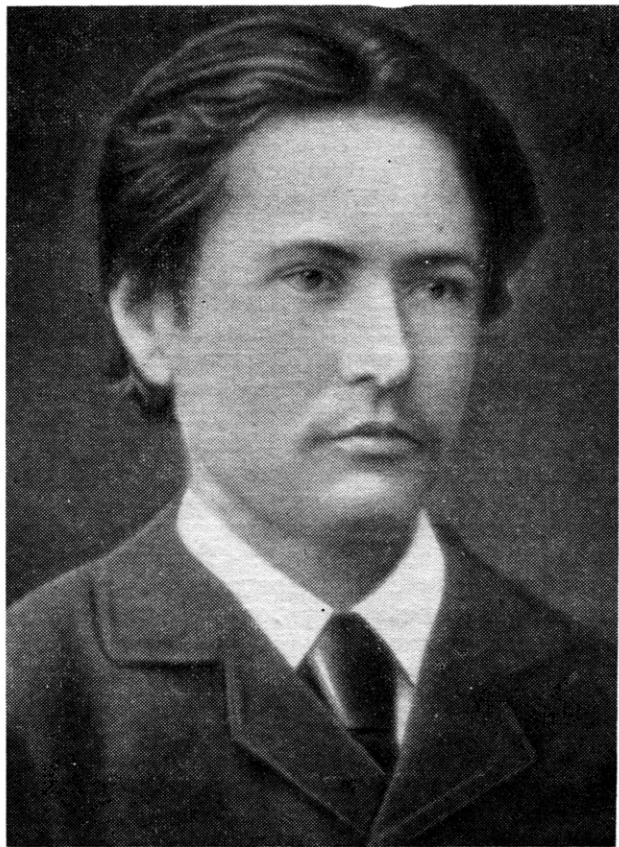
«Все-таки жаль, что пришлось его арестовать так рано», — написал Александр III на

донесении министра внутренних дел Д. А. Толстого об аресте Якубовича. Полиция очень боялась упустить его: очень подвижный и деятельный, он все время ускользал из поля зрения следивших за ним агентов. Но сожалеть о «преждевременности» ареста царскому «правосудию» не приходилось: у него всегда имелись в запасе «достаточные» улики, чтобы расправиться со своими врагами.

И действительно, на этот раз улик оказалось достаточно. Письма, рукописи, нелегальная литература, прокламации, стихи — все говорило о революционной деятельности Якубовича, да и сам он не скрывал свои взгляды.

* * *

Петр Филиппович Якубович родился 22 октября 1860 года в имении своей матери — сельце Исаеве Новгородской губернии. Его отец Филипп Тарасович происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода сербского происхождения. Позже, в автобиографическом очерке «На ранней зорьке», П. Ф. Якубович писал о том, как жили его родители: «Именьице махонькое, хоромы поразвалились, жалованьишко пустое, еда, ежели говорить правду, не заморская...» Но в глазах нищих, обездоленных крестьян дворянин Якубович все же был помещиком, баринном. И местные жители ненавидели его. Эту «жгучую ненависть» крестьян испытал на себе в детские годы и Петр Якубович. Позже он рассказывал, что при одном разговоре кре-

П. Ф. Якубович.
Фото. 1882 год.

стьяне называли его «барским змеенышем» и грозились отцово имение сжечь, а «гаденыша... с мамой его вместе — головой об угол!..»

Угрозы, однако, не вызвали у Якубовича враждебного отношения к крестьянам, но заставили его задуматься.

«Я чувствовал, — писал он, — что в душу мою вошло в этот день что-то новое и страшное, с чем придется считаться, может быть, всю жизнь».

В 1870 году Якубович поступил в Новгородскую гимназию. Там он начал читать нелегальную литературу. Юношу стали захватывать революционные идеи. Появилась «Первая тетрадь стихов». Написанное им в седьмом классе стихотворение «Моя дорога» в какой-то мере предопределяло характер музыки юного поэта: на поставленный в этом стихотворении вопрос: «Где же искать мне святую задачу?» Якубович ответил: «Знаю я жребий страдальческий свой». Борьба за свободу народа, «страдать» за народ — в этом он видел свое призвание.

Весной 1878 года Якубович окончил гимназию, а в августе поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Это было время, когда в России складывалась новая революционная ситуация. В марте 1878 года в Петербурге прошли бурные демонстрации в защиту Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника генерала Трепова. Были отмечены волнения на юге России в связи с казнью революционера-

народовольца П. М. Ковальского. Росло недовольство крестьян, охваченных ужасом голода, вызванного недородом. В промышленных центрах усиливалась стачечная борьба. Большое беспокойство царским охранникам приносили студенческие «беспорядки» в столице.

Политическая борьба захватила и увлекла Якубовича. Буквально в первые же дни учебы в университете он сблизился с революционно настроенной молодежью, объединявшейся тогда в «Центральном студенческом кружке», и вскоре сам вступил в этот кружок. Он участвовал в составлении прокламаций, вел агитационную работу. Однако деятельность кружка ограничивалась узкими, академическими интересами. Якубович выступал за то, чтобы молодые силы активно включались в революционную работу среди народа.

В 1881 году Якубович вместе с В. Н. Шаталовым и другими студентами начал готовить сборник публицистических статей и стихов под общим названием «Отклик». Материалы сборника, по мысли его составителей, должны были служить своеобразным отзывом студенчества на страдания русского народа, угнетаемого самодержавием. Якубович стал редактором сборника. Он включил в него несколько своих заметок и пять стихотворений революционного звучания. К участию в «Отклике» были привлечены литераторы Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский и другие.

Пока сборник готовился к выпуску, произошло важное событие: 1 марта 1881 года народовольцы убили Александра II. Чтобы придать бóльшую остроту сборнику, Якубович решил поместить на его страницах стихотворение «Весенняя сказка». В этом стихотворении Якубович воспевал «светлых витязей Весны», которые вступили в борьбу против «Царя-мороза» и повергли его. Стихотворение завершается картиной весеннего пробуждения жизни после гибели царя.

«Отклик» был отпечатан 3 апреля 1881 года. Цензура сразу же наложила на него запрет, а министерство внутренних дел начало расследование по этому делу. Якубовичу и другим авторам с трудом удалось избежать суда.

Сборник подвергся полному разгрому. Из двадцати шести статей и стихотворений, которые были помещены в «Отклике», осталось лишь пять.

Из стихотворений Якубовича цензор вырезал четыре, в том числе «Битву жизни» («Упреки»). Это стихотворение, написанное в конце 1880 года и размноженное в большом числе списков, ходило по рукам среди студентов. Оно призывало не быть равнодушным, а участвовать в революционной борьбе, чтобы не заслужить «упреки суровые»:

Где ты был, когда в битву мы грозную шли,
Победить иль погибнуть готовые?

Стихи Якубовича цензор оценил как «особенно жгучие», заметив, что они «имеют зна-

чение вызовов к ожесточенной борьбе против дикого бесправия».

«Отклик» был выпущен в свет лишь в сентябре 1881 года. Урезанный, искромсанный цензурой, он являлся уже бледным отражением задуманного. «Отечественные записки» все же приветствовали появление этого сборника, заметив с сожалением, что стремление молодежи откликнуться на политические события в стране «разбилось вдребезги»¹.

В 1881 году за участие в сходке и революционную деятельность в студенческих кружках Якубович был подвергнут первой репрессии — его лишили стипендии и арестовали на семь суток. Однако эта мера не запугала его. Он по-прежнему участвовал в составлении листовок и прокламаций, сотрудничал в гектографированной газете «Студенчество».

Одновременно Якубович помещал в журналах «Дело», «Слово», «Живописное обозрение» и «Отечественные записки» свои стихотворения, призывающие к борьбе.

В 1882 году Якубович с отличием окончил университет. Ему присвоили звание кандидата и предложили остаться при университете для научной работы. Но Якубович пренебрег «призрачным счастьем». Бесповоротно решив отдать все силы революции, он вступил в партию «Народная воля» и целиком подчинил себя революционной деятельности. По этому поводу он писал:

¹ См.: Б. Н. Двинянинов. П. Ф. Якубович. Вступительная статья в сб.: П. Ф. Якубович. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1960.

Рассеян мрак, завеса поднята!
И в первый раз я сознаю без страха,
Что умерла о счастья мечта
И не подняться ей из праха.
Роптанье праздное смешно,
И лишь дитя так долго стонет
О том, что раз погребено:
Пусть мертвых мертвые хоронят!
Что нам до мертвых? Разбудить,
Воззвать их к жизни мы не в силах.
Пока есть капля крови в жилах,
Не будем плакать на могилах —
Идем бороться, мыслить, жить!
Там, где тревоги и ненастья,
Там счастье любящим сердцам,
Удел же призрачного счастья
Оставим трусам и глупцам.

(24 июля 1882)

В трудных условиях революционного подполья, непрерывной слежки полиции Якубович развертывает агитационную работу, усиленно занимается литературной деятельностью.

«Теперь мы, молодые писатели, должны так работать, чтобы трещала бумага и из-под пера сыпались искры», — писал он одному из своих друзей.

В этот период (1882—1883 гг.) он часто печатался в «Отечественных записках». Его стихотворения «Юноше», «Рассеян мрак...» и другие призывали молодежь к революционной борьбе против самодержавия. Не случайно цензура потребовала запрещения стихотворений Якубовича, как «закрывающих в себе воззвания к молодым людям, чтобы они не падали духом, а боролись до конца, сохранив свою злобу и месть».

В сентябре 1883 года умер И. С. Тургенев. Якубович очень переживал смерть своего любимого писателя, выступал в кружках, знакомил рабочих с его творчеством. В связи с возникшей полемикой, поднятой вокруг И. С. Тургенева, Якубович составил прокламацию от имени «Народной воли». Листовки отпечатали в нелегальной типографии и распространили в Петербурге. Прокламация опровергла клевету реакционеров о якобы несочувствии Тургенева революционному движению. Якубович писал, что Тургенев «служил русской революции сердечным смыслом своих произведений... он любил революционную молодежь, признавал ее святой и самоотверженной... Барин по рождению, аристократ по воспитанию и характеру, «постепеновец» по убеждениям, Тургенев, может быть бессознательно для самого себя, своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции...»¹

Осенью 1883 года предатель Дегаев предоставил полиции первые сведения о подпольной революционной деятельности Якубовича. С тех пор за ним был учрежден постоянный надзор.

После ареста В. Н. Фигнер (1883) — последнего из находившихся в России членов Исполнительного комитета «Народной воли» — народовольческое движение распалось на многочисленные кружки и группы, переживавшие организационный и идейный

¹ «Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М.—Л., изд-во Academia, 1930, стр. 8.

разброд. Усилиями Якубовича в 1884 году в Петербурге была организована «Молодая партия „Народной воли“». В ее программе был выдвинут полуанархистский лозунг «фабричного» и «аграрного» террора как более доступного «народному пониманию»¹. Партия установила связи с одной из первых социал-демократических организаций в России — группой Д. Благоева. Однако «Молодая партия» просуществовала недолго. Она была разгромлена полицией.

Летом 1884 года у Якубовича возник план покушения на тогдашнего министра внутренних дел Д. А. Толстого, которого за жестокость называли «черным зверем». Между народовольцами Н. М. Флеровым, Г. А. Лопатиным и Якубовичем велись по этому поводу переговоры. Покушение не состоялось, но события, связанные с ним, послужили основой для стихотворения «Выбор», написанного Якубовичем в июле 1884 года. Почти с протокольной точностью автор рассказывает о том, как на совещании группы революционеров-народовольцев обсуждался вопрос, кто должен убить «тирана». Стихотворение завершается словами одного из героев: «Если нужно, пойду не страшась!» Оно не было напечатано в то время, но ходило в списках среди молодежи.

Большую работу приходилось выполнять Якубовичу по выпуску политического обозрения «Народная воля». Организаторы этого

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1. М., Госполитиздат, 1964, стр. 102.

издания, его ведущие авторы уже томились в царских застенках, нелегальная типография в Петербурге была ликвидирована. Все лето 1884 года Якубович посвятил созданию нелегальной типографии в городе Дерпте (ныне Тарту). Работать приходилось в невероятно трудных условиях. Готовя к выпуску очередной, десятый номер «Народной воли», Якубович сам редактировал статьи, помогал товарищам набирать и печатать журнал. За каждым его шагом следили полицейские агенты.

Журнал все же был отпечатан и распространен: Якубович умел вести конспиративную работу, и ему часто удавалось ускользать от шпионов.

Вокруг Якубовича группировались разрозненные силы народовольцев, и царские ищейки, наблюдавшие за ним, не торопились с его арестом. Вместе с тем у полиции возникали опасения, как бы «опасный преступник» не скрылся совсем. Это привело к скорой развязке.

15 ноября 1884 года Якубовича заточили в одиночную камеру № 63 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В этот же день была арестована и его невеста Р. Ф. Франк по обвинению в революционной деятельности в каменец-подольской группе и установлении связи с Петербургской организацией «Народной воли». Заключенная в Петропавловскую крепость, Р. Ф. Франк находилась там с 16 по 27 ноября 1884 года, после чего была переведена в Дом предварительного заключения и после суда отправлена в Сибирь.

В КРЕПОСТИ

Ночь. Тихо... Ни стонов, ни слез
От муки безбрежной и боли...
В темницу я тело принес,
Но душу оставил на воле.

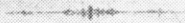
(П. Ф. Якубович, 1885)

Потянулись нескончаемые дни одиночного заключения. Наступившая вынужденная бездеятельность после бурной революционной работы последних лет была особенно тягостной для живого, кипучего, темпераментного Якубовича. Но он не поддался унынию. Его мысль была обращена на волю. За время заточения в крепости Якубович написал свыше тридцати стихотворений, главным образом революционного характера. И до ареста ему приходилось скрывать свое настоящее имя за вымышленными именами и прозвищами (например, Александр Иванович — в честь своего предка декабриста А. И. Якубовича), тем более теперь он вынужден был прибегать к множеству литературных псевдонимов, чтобы иметь возможность нести в массы живое революционное слово (Матвей Рамшев, П. Я., Л. Мельшин, П. Гриневич, Аквилон и другие).

Стихотворения Якубовича, написанные до ареста и в крепости, появились в 1887 году в сборнике «Стихотворения Матвея Рамшева» (СПб., 1887). В то время как сам Якубович сидел «под семью замками», стихи его призывали людей мужественно бороться за светлый идеал:

СТИХОТВОРЕНІЯ

МАТВѢЯ РАМШЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. И. Скороходова (Надеждинская, 39).

1887.

Титульный лист первого издания стихотворений
П. Ф. Якубовича (псевдоним «Матвей Рамшев»).
1887 год.

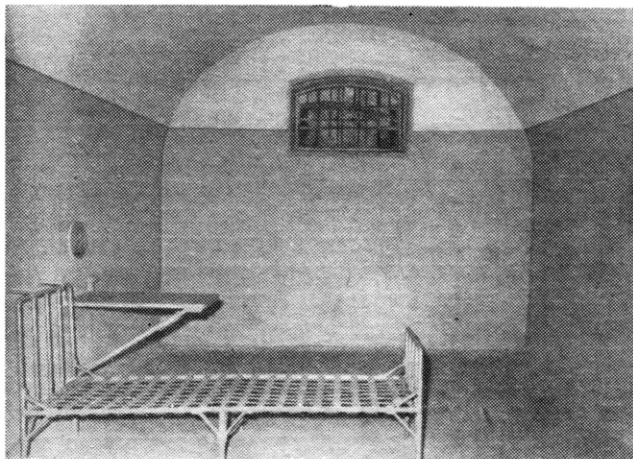
В клетке железной, в неволе глухой,
Годы томился орел молодой;
Пищу убогую тихо клевал,
Тихо и гордо в плену угасал.
Резвые дети толпились кругом,
Шумно глумились над бедным рабом,
Но отвечал он презреньем одним
Грубым нападкам, обидам слепым.
Вот растворилась однажды тюрьма --
С глаз будто спала гнетущая тьма...
Дико он крикнул, крылами взмахнул, ---
В вольной лазури тотчас потонул!
Грудь молодая вздымалась легко,
Взор проникал далеко-далеко...
Там, где в тумане кончалась земля,
Вдруг золотая метнулась змея;
Следом далекий таинственный гул
Волны эфира слегка всколыхнул...
Дивное что-то свершилось в орле —
Гордая мощь пробудилась в крыле!
Прямо и смело он к туче летел —
Встретиться с нею, могучей, хотел!
Тише, о тише, безумный... Вперед,
Выше, все выше надменный полет!
Выше, все выше, — и в сонмище туч
Врезался он, будто солнечный луч...

Пусть в конце этого дерзновенного полета орел гибнет в неравной борьбе, но его порыв вызывает восхищение.

Якубович твердо верил в грядущую победу революции:

Не за каждым всплеском моря
Кормчий с трепетом следит:
Всё решит последний, грозный,
Всё девятый вал решит!

Но чтоб вал пришел девятый,
Вал последний, роковой, —
Нужны первые усилья,
Нужен первый вал... второй...

Камера № 63 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где был заключен П. Ф. Якубович.

Пусть они едва заметны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите с верой
Побеждающей волны!

Связующим звеном с волей служили для Якубовича редкие свидания его с сестрой Марией Филипповной. Через нее он тайно передавал рукописи и письма на волю, благодаря ей под редакцией А. К. Шеллера-Михайлова было осуществлено упомянутое издание «Стихотворений Матвея Рамшева».

В декабре 1886 года Якубовича перевели в Дом предварительного заключения, а 20 мая 1887 года начался в Петербургском военно-окружном суде «процесс 21-го» — над группой революционеров, обвинявшихся в совершении

террористических актов, «направленных к ниспровержению существующего строя». Судили Лопатина, Якубовича, Стародворского и др.

Чтение общего обвинительного заключения длилось более десяти часов. В последующие дни допрашивались подсудимые, каждый в отдельности. Перед присягой свидетелей с возмутительным напутствием выступил священник: «Вы должны в эту минуту забыть родителей, братьев, сестер и показывать даже на них всё, что знаете, ничего не утаивая, памятуя, что вы верные слуги императора. Помните, что если вы покажете что-либо не верно, то будете наказаны государем».

Против Якубовича суд выдвинул много «улик»: письма, рукописи, стихи, показания шпионов. Особое внимание суд обратил на рукопись поэмы «Сын», написанной в крепости. Якубович заявил, что он не помнит ее содержания и потребовал зачесть ее на суде. Ему хотелось бросить публичный вызов царскому суду и прокурору.

Прокурор

...Вы мне откроетесь?

Обвиняемый

Я?! Нет.

Прокурор

Как! Но какой же гнусный, ложный
Вы на себя прольете свет!
Вот, скажут, вот они, святые,
Герои, мученики, — вот:
Чем не разбойники ночные?
Меж ними всякий темный сброд
Родства не помнящих Иванов,

Им стыдно маску сбросить с глаз
И без нарядов, без обманов
Лицом к лицу взглянуть на нас.
Скажу без мысли вероломной:
Толпа, наверно, заклучит:
«Позор на этой маске темной,
На этом имени лежит!..»
Ага, мой друг, вы побледнели?
Себя без жалости губя,
Людей так пламенно любя,
Людей-то вы и проглядели.

Обвиняемый (*вставая в негодовании*)

Молчите, низкая душа!
Нет силы больше для терпенья.
Я побледнел от изумленья
Перед нахальством вашим.

Прокурор (*отступая*)

А..!

Вот как!.. Не перешли ль вы меру?
Не позабыли ль, что сейчас
Могу... да, да... могу я вас...

Обвиняемый (*смеясь*)

Я бросил правду лицемеру —
И вот, личину сняв долой,
Он образ принимает свой.

Прокурор (*ударяя себя в грудь кулаком*)

Я властью облечен большою!..

Обвиняемый

Над телом только — не душою,
Что властны сделать вы со мною?
Пытать? — Я пытки не страшусь.
Казнить? — Я смертью наслажусь,
Как высшей радостью земною¹.

¹ Приведенный отрывок поэмы «Сын» печатается впервые по рукописной тетради Якубовича «Крест и идеал», хранящейся в Государственном музее Великой Октябрьской социалистической революции, ф. 2, д. 12794, ч. 4.

Чтение этой поэмы вызвало у судей и у прокурора сильный гнев: памфлет попал в цель.

Якубович согласился на суде почти со всеми обвинениями, которые ему были предъявлены. В своих показаниях он стремился дать полное освещение деятельности и задач «Народной воли». Он не отрицал своей роли идеолога народовольцев. «По натуре я не был бойцом, — сказал он в заключение своей речи, — я не был воином по призванию... Я мог готовить путь другим, более сильным меня. И если при этом мне удалось бросить хоть в одну голову искру света, я доволен, я исполнил долг свой».

В своих показаниях Якубович не назвал ни одной фамилии, кроме уже известных следствию. Признавая себя не бойцом, а «вдохновителем», Якубович говорил, что он счел своим нравственным долгом взять на себя после многочисленных арестов «бразды правления» организацией. «Отказавшись принять на себя подобную роль, я был бы в собственных глазах позорным трусом», — заявил он.

Действительно, когда обстановка обязывала, Якубович действовал со всей решимостью и словом и делом, со всей страстностью своей природы.

«Он не жил, он горел... Бледный, с горящими глазами, в вечном движении, он с головой погружался в работу, писал, печатал, агитировал, и так до самого того дня, когда в цепях, с обритой головой, пошел в Сибирь...» — так характеризовала Якубовича его современница писательница В. И. Дмит-

риева. Не случайно прокурор Маслов заявил на суде, что «хотя деятельность Якубовича и не проявилась ни в каком факте¹, но она могла бы проявиться в таковых, если бы он еще несколько времени остался на свободе», а поэтому он и к Якубовичу требует применить статью 249 (смертная казнь).

Суд совещался с 12 часов дня 3 июня до 3 часов ночи 4 июня. Деятельность Якубовича в приговоре приравнивалась к деятельности членов Исполнительного комитета «Народной воли». Четырнадцать человек, в том числе и Якубович, были приговорены к смертной казни через повешение. В письме из тюрьмы он сообщал своим родным: «Выслушал я приговор так спокойно, что и сам того не предвидел, и ночь спал по обыкновению хорошо. Конечно, надежда еще есть, и помирать мне неохота, но все-таки я стараюсь не думать о надежде и почти уже приготовился к настоящей смерти...»

После объявления приговора Якубовича и других смертников отвезли в Петропавловскую крепость, но посадили уже в первом этаже Трубецкого бастиона, более сыром и темном. Две недели висела над головой Якубовича петля палача. Однако смертный приговор был заменен восемнадцатью годами каторжных работ.

Так закончился для Якубовича почти трехлетний «подследственный» период, о котором он писал: «Я очень долго сидел под следствием, в тяжелом одиночном заключе-

¹ Т. е. террористическом акте.

нии, без книг, на одной казенной пище, в угнетенном душевном состоянии». Начинаясь еще более тяжелый период его жизни — «каторжный». 20 июля 1887 года узник был отправлен в Сибирь.

В МИРЕ ОТВЕРЖЕННЫХ

Ноги крепко скованы, головы обриты —
Божество поругано, счастья сны убиты!

(П. Ф. Якубович, 1894)

О начале «каторжного» периода Якубович вспоминал так: «Ах, проклятые, проклятые дни!.. Сколько высосали вы крови из сердца, сколько влили в него яда, сколько отняли лучших сил... Мимо, мимо! Не хочу вспоминать... Одно скажу: страшно было последнее свидание с матерью. В тюремных снах я часто испытывал кошмары, но ни один из них никогда не мог сравниться с болью и ужасом нашего прощания!..»

Перед отправкой в Сибирь Якубович подвергся унижительной процедуре — ему, как каторжному, обрили половину головы и заковали в кандалы. Единственная цель этой процедуры, говорил он, надругание над достоинством человека, лишённого прав, так как ни бритые, ни кандалы не могут помешать побегу. Начался длительный этапный путь, в легкой казенной одежде, не защищавшей от сибирских морозов. Его вели вместе с уголовными преступниками. В феврале 1888 года Якубовича поместили в Карийскую каторжную

тюрьму. На его протест против грубого обращения и заявление о том, что он — политический, инспектор каторги Коморский закричал: «Молчать! Много у меня таких молодцов!.. Я их телесному наказанию подвергаю!» Можно себе представить, какое подавляющее впечатление вызвал этот окрик, когда Якубович, по собственному выражению, считал телесное наказание «неизмеримо страшнее смерти».

Как упоминалось раньше, невеста Якубовича народоволка Р. Ф. Франк в начале 1887 года по решению суда была сослана на пять лет в Якутскую область. В Красноярске, на этапе, Якубович случайно встретился с нею. Кратковременное свидание принесло и радость, и огорчение:

Утопая в вихрях снежных,
Тройка мчала день и ночь...
Вдаль от родины желанной
И от счастья с милой прочь!

В 1890 году Якубовича перевели в Акатуй. Там он находился среди уголовных и имел возможность наблюдать их жизнь, анализировать их характеры и натуры. Наблюдения во время этапного пути, обогащенные совместной жизнью и работой с уголовными в серебряных рудниках Акатуя, явились богатейшим источником для создания широкого эпического полотна — знаменитых очерков «В мире отверженных». Книга эта была закончена Якубовичем в 1893 году. Она писалась на каторге, урывками, в течение нескольких лет, на клочках махорочной бумаги.

По воспоминаниям народовольца М. П. Ор-

лова, чтобы дать Якубовичу возможность писать свои очерки, был устроен перевод его в больницу. «Писал он сидя на кровати и положив куски махорочной бумаги на книгу, так, чтобы надзиратель, заглянувший из коридора, счел бы его за читающего».

Рукопись книги «В мире отверженных» была тайно переправлена на волю. Через некоторое время автор получил известие, что рукопись утрачена. Якубович в течение короткого времени восстановил очерки. Их тайно переправили в Петербург. С осени 1895 года они начали печататься в журнале «Русское богатство», а затем, выпущенные отдельными книгами, выдержали много изданий.

Стихотворения также тайно пересылались Якубовичем с каторги на волю. Они публиковались под различными псевдонимами, за которыми скрывался опальный поэт. Обращаясь к юности, Якубович из каторжных застенков звал:

...Вслед беспокойной Икаровой тени
Смело, о братья, отважно вперед,
Выше, все выше: не бойтесь падений
С ясных небесных высот!
Слава победы лишь храбрым дается,
Срама не знает погибший в борьбе...
— Юность, тебе наша песня поется!
Вечная слава тебе!

Так заканчивается стихотворение «Юность», написанное в 1890 году и опубликованное в журнале «Живописное обозрение» в 1891 году. Оно вызвало одобрительный отзыв марксистской критики.

Надежда, что наступит день, когда вновь

откроется возможность продолжить свое высокое служение, придавала Якубовичу силы. Но бывали и срывы, когда Якубович терял самообладание и впадал в меланхолию. «Мрачные думы встают одна за другою неизвестно из каких глубин мозга, и длинной похоронной процессией проходят перед глазами картины прошлого, милого, дорогого прошлого, которое, увы! воскресить невозможно...» Но даже в такие минуты не о личном счастье мечтал он: «Прозябать в этой жалкой норе и ничего не знать, не идти на посильную помощь!..»

Несколько отвлекала и давала утешение просветительная работа среди своих случайных товарищей — уголовных. Не только сам Якубович, но и по его примеру другие политические создали «школу», учили «отверженных» грамоте, развивали их духовно. С большими трудностями удавалось доставать для этого бумагу, карандаши, книги. Интересно, что не только «уголовное» окружение проникалось уважением к Якубовичу, оценивая его высокую нравственную силу, но и надзиратели, и даже сам начальник тюрьмы Архангельский, выведенный в очерках под фамилией Лучезарова, оказывал Якубовичу уважение и шел навстречу его справедливым требованиям и заступничеству за «отверженную братию».

В сентябре 1893 года Якубович вышел в «вольную команду» — с него сняли оковы и по этапу отправили в Кадаю. Через год его невеста Р. Ф. Франк, отбыв четырехлетнюю каторгу и поселение, после больших хлопот

и волнений получила разрешение переехать туда же. В августе 1894 года состоялась наконец их свадьба.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...Забыты дни тоски мертвящей:
— Жизнь новая, цветы! И пусть
не меркнет свет
Твоей звезды путеводящей!

(П. Ф. Якубович, 1902)

Осенью 1895 года кончился срок каторги и Якубович с женой переехали в город Курган на поселение. С этого времени он стал сотрудничать в сибирских газетах «Степной край» и «Восточное обозрение», а затем в журнале «Русское богатство», помещая стихи, критические и публицистические статьи.

Переезжая из Кадаи в Курган, Якубович останавливался в Иркутске, и встретивший его И. И. Попов свидетельствовал, что Якубович выглядел очень хорошо, моложе своих лет, в отношениях с людьми стал мягче, но по-прежнему вспыхивал, когда видел или слышал неправду. Народоволец А. Е. Редько вспоминал: «Ничто не изменилось в жизнеотношении Якубовича после каторги. Одно надломилось — сердце в груди...» Сам Якубович, обращаясь к жене — другу и соратнику, писал:

Но — воротились мы... Жизни сурового молота
Вынесли тяжесть: на диво силен человек!
Только... душа моя словно на части расколота,
Только... твоя голова побелела как снег!

Да, он вернулся с надломленным здоровьем, но он по-прежнему звал вперед, по-прежнему ободрял борцов.

В Кургане у него появились нервные припадки. При помощи В. Г. Короленко и других Якубович добился в 1899 году разрешения переехать сначала в Казань, а потом и в Петербург, чтобы с семьей поселиться в Удельной, где находилась психиатрическая больница. Конечно ему необходимо было лечение. Но вместе с тем это был и предлог, чтобы иметь возможность быть в Петербурге. Здесь поэт еще активнее включился в литературную работу, сотрудничая в журнале «Русское богатство».

Тесные дружеские отношения завязались между семьей Якубовичей и В. Г. Короленко. Вместе с Короленко Якубович вел беллетристический отдел журнала, был редактором отдела поэзии. Он много помогал молодым поэтам и деятельно участвовал в формировании талантов. Так, Якубович оказывал дружескую поддержку и внимание начинающему поэту Е. Придворову (Демьяну Бедному).

Демьян Бедный писал, что он не знает, кто смог бы заменить ему Якубовича хоть в одной самой малой части в смысле любовного руководства его «слабыми попытками поэтического творчества».

По свидетельству И. И. Попова, Петр Филиппович остался верен идеалам юности и с радостью встречал старых питерцев и сибиряков-ссылных. Он был ходатаем за писателей из ссылных, часто работая над прислан-

П. Ф. Якубович на каторге.
Скульптор К. Н. Бобков. 1965 год.

Верьте: не темная сила — дух правды и света
Нас призывает стоять, не страшась перед богом
Тот, кому образ свой вечный с любовью он мог
В прахе, как червь бессловесный, не должен лежать!

Пусть же звучит и в полях, и в собраниях народных:
«Восемь часов для труда! Восемь для сна!
Восемь — свободных!..»

Песня распространялась в списках среди рабочих фабрик и заводов. За найденные списки этого стихотворения рабочие подвергались наказаниям. Одним из революционных лозунгов, выдвинутых социал-демократической рабочей партией, был восьмичасовой рабочий день. «Песня труда» в целом, и особенно заключительная ее строка, стала сильным и доходчивым средством пропаганды этого лозунга среди народа.

По воспоминаниям известной артистки Н. А. Смирновой, когда она в 1904 году прочла это стихотворение на концерте в одном из рабочих районов, то после заключительных его строк «в зале поднялось что-то невообразимое. Все встали с мест, кричали, стучали. Многие подняли над головой стулья и потрясали ими. Порядок водворили с помощью полиции. Многие из бушевавших в концерте были арестованы»¹.

«Песня труда» вплоть до 1917 года неоднократно включалась в сборники революционных песен.

¹ Н. А. Смирнова. Воспоминания. М., 1947, стр. 139.

Приближался первый натиск революционной бури — 1905 год. В стихотворении «Ледоход», датированном 1903 годом, поэт метафорически предрекал наступление этой бури:

...Сумерки. Ветер подул верховой.
Лед шевелится внизу, как живой...
Странные думы рождаются в уме:
Грозное что-то куется во тьме!..

Русско-японская война показала всю гнилость царского самодержавия. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Русский военный флот уничтожен... Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия».

Разгрому русской эскадры в Цусимском проливе, явившемуся результатом преступной бездарности царского правительства, посвящено стихотворение «Последняя жертва». Гневная заключительная строфа говорит о грядущей революции:

Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой последней легли:
Рассвет уже близок... Она у порога —
Свобода родимой земли!

Короленко писал из Полтавы одному из своих друзей: «Вчера бандеролью получил стихотворение П. Я., которое на всех, кому я его читал, производит огромное впечатление и его уже списывают, не дожидаясь выхода книжки...»

Цензура отнесла «Последнюю жертву» к стихотворениям, в которых ярко затронута

«тема народного восстания и ниспровержения существующего государственного строя». По приговору судебной палаты стихотворение было «уничтожено».

О варварском расстреле мирного рабочего шестивия 9 января 1905 года поэт с гневом говорил в стихотворении «Красный снег». По словам большевистской газеты «Звезда», в стихотворении нарисована «величественная картина рабочего движения». Цензор запретил его, потому что в нем были выражены «самые крайние политические и социальные идеи... возбуждение к революционной борьбе против существующего государственного строя».

П. Ф. Якубович был нестигаемым борцом против самодержавия. Почти все его произведения, написанные после многолетней каторги, по-прежнему были насыщены идеей революционной борьбы и верой в грядущую свободу.

Откликаясь на декабрьское вооруженное восстание в Москве, Якубович написал стихотворение «В дыму пожаров города...», которое заканчивалось словами:

...Тебя лишь, мученик-народ,
Двуглавый рвет орел.
Смотри: вся грудь твоя в крови,
А хищник все не сыт...
Когда ж придет герой любви —
Его насмерть сразит?..

За революционную, публицистическую деятельность, за распространявшиеся повсюду революционные стихи Якубович 14 января 1905 года вновь был арестован и брошен в

П. Ф. Якубович.
Фото. 1905 год.

тюрьму «Кресты», где его держали около трех недель. Он очень тяжело переносил арест: «Это недолгое заключение в тюрьме далось мне почему-то несравненно тяжелее многолетнего пребывания в стенах крепости, на Каре и в Акатуе».

* * *

Здоровье П. Ф. Якубовича, подорванное каторгой и заключением в холодной, сырой камере «Крестов», стало быстро сдавать. Однако он не прекращал литературной и редакторской работы. Летом 1909 года болезнь обострилась, и он выехал для лечения в Бад-Наугейм в Германии. В этот период он написал цикл стихотворений «Думки». В них поэт анализировал пережитое, вновь говорил о своей непримиримости к рабству, царящему в его родной стране, горестно сожалел о судьбе «безвестно казнимых»... Он видел, чувствовал приход новых сил, которые свергнут самодержавие, завоюют свободу и счастье трудовому народу:

Что старые песни! Есть новые мўки,
Безвестные прежним бойцам, —
По-новому страстные, гневные звуки
Ударят по юным сердцам...

В другом стихотворении, подводя итог своей жизни и деятельности, Якубович писал:

Ни о чем не жалею я в прошлом, друзья,
Ни одной бы черты в нем не вычеркнул я...

Боль и слезы его — звучной песни слова:
Слово выкинешь вон — и вся песня мертва!

Там за каждой слезой, в каждом сумрачном дне
Солнца яркого луч вспоминается мне:

Это солнце я в сердце горячем носил —
Я одними страданиями с родиной жил!

П. Ф. Якубович умер 17 марта 1911 года.

В похоронах поэта участвовало много студенческой молодежи, но траурное шествие «заботами полиции» было направлено по глухим улицам. При входе на «Литераторские мостки» Волкова кладбища, где хоронили Якубовича, цепь городских преградила людям путь. Вдова Якубовича, которую не хотел пропустить городской, воскликнула: «Нет, вы не пускали меня к нему всю жизнь, но теперь-то пустите!» Этот возглас убитой горем женщины, по словам современника, «был первой надгробной речью, обрисовавшей трагедию жизни борца за дело народа».

Среди множества писем и телеграмм, полученных редакцией «Русского богатства», печатавшихся в нескольких номерах журнала, была телеграмма Максима Горького из Италии: «Скорбим о смерти мужественного поэта-гражданина... Да здравствует свобода и счастье народа, которым он посвятил всю свою жизнь!»

Большевицкая «Звезда» поместила в день похорон поэта-революционера некролог, а в следующем номере — две статьи (М. Ольминского и Н. Афанасьева), посвященные его памяти. П. Ф. Якубович, говорилось в одной из статей, «отдал себя целиком на служение родине, для счастья грядущего человечества».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Меч и лира	3
В крепости	14
В мире отверженных	22
Возвращение	26

Ирина Дмитриевна Якубович
„П. Ф. ЯКУБОВИЧ“

Редактор С. М. Серпокрыл
Технический редактор Г. В. Шиманарева
Корректор Т. В. Мельникова

Сдано в набор 2/VI 1967 г. Подписано к печати 21/VII 1967 г.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 1,32
Уч.-изд. л. 1,34 Тираж 68 000 экз. М-43460 Заказ № 952
Работа объявлена в Т. п. 1967 г., № 117

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59.
Типография имени Володарского Лениздата
Фонтанка, 57.

Цена 5 коп.

5 коп.